

*Гинев В.Н.,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН*

Революция и нравственность в исторической памяти
Через 50 лет после Октября 1917 г. (Спектакль театра «Современник»
по пьесе М. Шатрова «Большевики»).

В июне 1968 г. в Ленинград приехал на гастроли молодой московский театр «Современник», возникший вскоре после XX съезда КПСС и за двенадцать лет творческой деятельности завоевавший у зрителей огромную популярность своими злободневными спектаклями. На этот раз среди пьес, предложенных ленинградцам, выделялась трилогия на историко-революционную тему. Последовательно, на протяжении трех вечеров, во Дворце культуры имени Первой пятилетки шли «Декабристы» Александра Свободина, «Народовольцы» Леонида Зорина и «Большевики» Михаила Шатрова.

В изданном красочном проспекте этих спектаклей главный режиссер театра О.Н. Ефремов писал, что идея трилогии возникла «два года назад, когда наш художественный совет обсуждал планы подготовки к пятидесятилетию Советской власти». Далее следовало объяснение, почему «Современник» заказал драматургам именно названные выше пьесы. «Мы остановились на этой идее потому, что были уверены, что потребность заново, глазами нынешних поколений взглянуть на историю и на людей русского революционного движения, начиная с первой четверти прошлого века, живет в нашем зрителе и должна быть удовлетворена».

Естественно, возникает вопрос, что значит «взглянуть заново», на что не обращалось должного внимания прежде? Ответ О.Н. Ефремова: «Во всех трех пьесах вопрос о нравственной оценке того или иного теоретического

положения или поступка – главный вопрос. Поэтому я и считаю, что лейтмотив всей трилогии – это **революция и нравственность**».

В пьесе «Большевики» действие разворачивается вокруг покушения на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. во время его выступления перед рабочими одного из московских заводов. Члены Совнаркома собираются на очередное заседание и ждут приезда с митинга Председателя правительства. Ленин запаздывает, нарушая им же установленный строгий регламент. Наркомы перебрасываются шутками, говоря, что надо оштрафовать опаздывающего. Наконец, слышится шум подъехавшего автомобиля. Вдруг вместо Ленина появляется А. Ульянова: «Товарищи! Владимир Ильич ... В него стреляли... Сейчас привезли ... Скорее! Врача!» «Все оцепенели».¹

Покушение на В.И. Ленина, убийство в Петрограде в тот же день М.С. Урицкого, разгорающаяся гражданская война, настроение рабочих обязывают руководство большевиков принять ответные меры. В пьесе обсуждение этих чрезвычайных мер наркомами, собравшимися поначалу на обычное плановое заседание правительства, происходит немедленно; эмоциональность обсуждения усиливается тем, что в соседней комнате невидимый зрителям лежит тяжело раненный Ильич и его состояние внушает обоснованную тревогу. Наркомам периодически об этом сообщают.

Слово берет Яков Свердлов: «Ну что ж, товарищи, военные действия объявлены не только на фронте, но и в тылу. Я думаю, что мы примем постановление ВЦИКа о превращении Советской Республики в военный лагерь со всеми вытекающими отсюда последствиями <...> вопрос о красном терроре встает перед нами во всей своей сложности и безотлагательности».²

Я думаю, что ключевое слово здесь – «сложность». Драматург посчитал необходимым показать, что решение об объявлении красного террора далось наркомам совсем не просто. Большевистский Совнарком образца 1918 года состоял из высокообразованных профессиональных революционеров, хорошо знавших не только практику революционного дела,

но и историю европейских революций. И не случайно перед ними сразу же встали жестокие картины якобинского террора во время Великой французской революции конца восемнадцатого века. Проблема соблюдения нравственности в ходе революции, когда обстоятельства вынуждают прибегать к насильственным мерам, дана М. Шатровым и «Современником» в спорах наркомов о якобинском терроре чрезвычайно остро.

Заместитель наркома просвещения М.Н. Покровский предостерегает: «Я считаю, что разговор об издержках якобинского террора сейчас не к месту. Он нас размагнитит». С этим не согласен нарком юстиции П.И. Стучка: «Красный террор должен пойти по определенному, строго очерченному руслу, иначе мы рискуем повторить печальный опыт якобинцев, у которых закон о “профилактическом” превентивном аресте стал в конце концов основанием для гильотины». Покровский с этим не соглашается: «Это все так, издержки у них были, но было и другое, то, что Энгельс назвал великой годиною, когда нашлись люди, обладавшие мужеством беззакония, вы слышите – мужеством беззакония, не отступающие ни перед чем, люди железной энергии, которым удалось добиться, что ни один торгаш, ни один спекулянт – словом, ни один буржуа не показывался на свет!». В спор вступает Свердлов: «Это хрестоматийно и азбучно. Что бы там ни было, Робеспьер останется для нас примером великого революционного вождя. Но нас сейчас интересует их опыт: каким образом возникли у них издержки и крайности и к чему это привело?». Мнение бывшего наркома государственного призрения А.М. Коллонтай (волею М. Шатрова оказавшейся на заседании правительства) – «Политикой устрашения мы достигнем цели без массового кровопролития». Ей возражает нарком просвещения А.В. Луначарский: «И тем обиднее, Александра Михайловна, что прекрасно сознавая все это, якобинцы все-таки заменили политику устрашения политикой истребления <...> А почему? Потому что шло полное перерождение аппарата власти. Если раньше органы террора избирались и были подотчетны революционной массе, то к концу

якобинизма все изменилось <...> сотрудники, избираемые массой и контролируемые ею, заменяются назначаемыми платными чиновниками. Происходит сращивание органов власти и органов террора <...> Воззрения якобинцев – это классический образец примитивного, ограниченного политического рассудка, неспособного, несмотря на максимум политической энергии, найти реальные средства исцеления общественных недугов, видевшего причину этих недугов только в контрреволюционном образе мыслей врагов революции, а главное средство спасения – в рубке голов».

Я.М. Свердлов как бы подводит итоги дискуссии: «Так вот, проблема заключается в том, что террор – это острейшее, необходимейшее оружие нашей революции, в котором заложены определенные положительные и отрицательные тенденции. Наша задача – использовать максимально положительные тенденции этого оружия и не дать развиваться отрицательным». Он предостерегает «от расширительного толкования рамок террора». На вопрос наркома продовольствия А.Д. Цюрупа – «В чем же гарантия?» ответил: «С одной стороны, в нашем ясном понимании этих опасностей, а с другой стороны, в целом ряде мероприятий. Публичность террора». Нарком юстиции П.И. Стучка и заместитель наркома труда В.П. Ногин добавили: «Гласность действия карательных органов», «Публикация всех имен арестованных, всех имен заложников, всех смертных приговоров». Свердлов предлагает издать декрет Совета Народных Комиссаров, в котором указать, что «при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». «Необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях. Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этих мер». И в то же время: «Крайности красного террора – это проявление мелкобуржуазного революционизма, его торжество и, если хотите, одна из главных опасностей на нашем пути».

Кажется, больше всех во время спора о терроре переживал Луначарский: «Да, я согласен, что в истории бывают моменты, когда насилие необходимо. Но все-таки истинный социализм может быть насажден в мире не винтовкой и штыком, а только наукой и широким просвещением трудящихся <...> Самое трудное для коммуниста – быть жестоким. Сколько клятв о беспощадной мести мы дали у братских могил! И все же не поднималась рука. Но сейчас чаша переполнена. Рука должна подняться».

В конце пьесы из комнаты, где лежит раненный Ленин, приходит обнадеживающее известие: «Кризис миновал». «Тишина и взрыв радости. Все бросаются к Свердлову, что-то говорят, кричат, понять ничего невозможно, все обнимаются, поздравляют друг друга. Коллонтай плачет и смеется. И вдруг из этой группы, обступившей Свердлова, возникает: Вставай, проклятьем заклеянный... И вот уже, счастливые, преображенные, чувствуя плечо друг друга, они шепотом, тихо-тихо поют свой гимн: Это есть наш последний и решительный бой. С Интернационалом воспрянет род людской» «Занавес».³

Гастроли «Современника» в Ленинграде летом 1968 г. заканчивались 2-го июля. Главной газете города – «Ленинградской правде», органу областного и городского комитетов КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся, полагалось откликнуться на прошедшее не рядовое культурное событие, особенно на громко прозвучавшую историко-революционную трилогию. Но возникли затруднения. Известные историки благоразумно отказывались писать рецензию. В частном разговоре один университетский профессор сказал, что пьеса «Большевики» — это отлично приготовленный отравленный кусок мяса. В конце концов обратились ко мне, тогда недавно защитившемуся кандидату исторических наук.

Мне очень хотелось посмотреть трилогию, но достать билеты было невозможно. И я согласился взять билеты в редакции газеты, обещав дать рецензию, наивно не предвидев того, что меня ожидает.

Обсуждение проблемы нравственности в революции не было приоритетным для советских историков. Более того – такой проблемы как бы не было вообще. Априорно считалось, что всё, что идет на пользу пролетарской революции – нравственно, цель оправдывала средства. Нормы общечеловеческой нравственности считались буржуазными, их заменяла нравственность классовая. Именно такой должна была быть историческая память советских людей о событиях пятидесятилетней давности.

Но приезжий московский театр сделал тему революционной нравственности дискуссионной, колебля устоявшуюся официозную память о революционном октябре 1917 года и последовавших за ним событиях, успешно внедренную в массовое сознание. Редакции «Ленинградской правды» требовалась сугубо критическая рецензия на трилогию, особенно на «Большевиков». Была сделана попытка принесенный мною текст подвергнуть серьезной корректировке. Тяжелое обсуждение продолжалось несколько часов. Но время работало на меня: без авторской подписи рецензия не могла быть напечатана, а она должна была непременно появиться на следующий день – второго июля, в этот день «Современник» уезжал в Москву. В результате был достигнут компромисс: в рецензии появился легкий упрек «Современнику» и Шатрову за недостаточное отображение связи вождей революции с народом, но сохранилось главное – положительная оценка дискуссии перед тем как было принято судьбоносное решение о красном терроре.

«В пьесе обсуждение и принятие решения о красном терроре происходит в самый вечер покушения на В.И. Ленина. И перед народными комиссарами сразу возникают проблемы, решить которые не просто. Перед их глазами встают эпизоды истории – времена Великой французской революции, террор якобинцев, допущенные при этом ошибки. Перед зрителями – революционеры третьего поколения. Идет первый год пролетарской диктатуры. Спектакль дает почувствовать, как соратники Ленина бдительно следят, чтобы в условиях ожесточенной классовой борьбы

сохранить нравственную чистоту не только идей, но и личности коммунистов. В той морально-политической борьбе, которая ведется в стране между революцией и контрреволюцией, они не оставляют за собой права на ошибку. Дискуссия на сцене захватывает и актеров, и зрителей. В зале нет равнодушных...».⁴

«Сегодня “Современник” покидает наш город. Мы надеемся, что высказанные в статье критические замечания помогут талантливому коллективу театра спокойно и серьезно подойти к оценке своей работы над трилогией. Такая вдумчивая оценка является, по нашему мнению, совершенно необходимой для театра, стоящего на пороге новых поисков и новых творческих решений».⁵

Сцена спора наркомов о красном терроре с учетом негативного опыта яacobинцев порождена в пьесе художественным воображением М. Шатрова. Драматург предупреждает: «”Большевики” – драма не документальная, хотя и написана по документам».⁶ В реальности постановление Совнаркома о красном терроре было принято 5 сентября 1918 г. Историкам неизвестно, что происходило во ВЦИКе и Совнаркоме перед принятием решения. Можно предположить, что какой-то обмен мнениями все же должен был состояться. Для М. Шатрова, очевидно, такое предположение было достаточно, чтобы поставить в пьесе вопрос о революционной нравственности. Главный режиссер «Современника» О.Н. Ефремов полагал, что проблема политической нравственности должна быть рассмотрена не только для революционного времени, она актуальна и через пятьдесят лет после него. В проспекте трилогии он написал: «Мне кажется, что жгучий интерес к нравственным проблемам революционного движения, социализма и коммунизма – вообще черта нашего времени».

Но для партийных функционеров и для официозных историков в конце 1960-х гг. и далее вплоть до «перестройки» второй половины 1980-х гг. такие мысли являлись крамольными, требующими отпора. В связи с этим моя вовлеченность в оценку трилогии и, в частности, пьесы «Большевики» не

закончилась публикацией рецензии в «Ленинградской правде». В феврале 1971 г. ко мне неожиданно обратился журнал «Вопросы истории КПСС» с просьбой дать отзыв на поступившую к ним рецензию двух дипломированных историков о трилогии под названием «Без уважения к исторической правде». Обращение было написано на официальном бланке журнала, имело дату (10.2.1971.) и регистрационный номер. К этому прилагалась упомянутая рецензия на двадцати одной машинописной странице.

По мнению авторов рецензии, основу замысла трилогии составляла «не ленинская концепция русского освободительного движения, а некоторые нравственно-этические идеи, которые БУДТО БЫ стояли перед революционерами всех поколений». (Выделено мною. – *В.Г.*) «Если можно понять, — указывалось в рецензии, — жаркие споры, которые вели вокруг этого вопроса не имевшие революционной теории декабристы и народовольцы, то совершенно невозможно понять, а тем более признать правомерным, спор о красном терроре между большевиками». Вопрос о неизбежности революционного насилия, вплоть до массового террора по отношению к классовым противникам октябрьского переворота, доказывалось в рецензии, был решен Лениным задолго до покушения 30 августа 1918 г. Приводились различные ленинские высказывания по этому поводу, начиная с ноября 1917 г. Между тем, «по прихоти драматурга», участники заседания советского правительства «до хрипоты», «словно соревнуясь между собой в эрудиции, спорят об опасностях, которые БУДТО БЫ предостерегают большевиков, если они встанут на путь террора, повторяют банальности о неизбежных крайностях и издержках красного террора...» (Выделено мною. – *В.Г.*). «И драматург, и театр совершенно запутались, навязывая зрителям, вопреки подлинной истории, собственную надуманную интерпретацию вполне ясного вопроса».

Некоторые места рецензии были близки по форме и содержанию к политическому доносу: «Поскольку вопрос о насилии вообще и терроре, как

одной из его форм, трактуется в трилогии вне классовой борьбы, а лишь с нравственно-этической стороны, постольку нетрудно понять, какие мысли могут внушить зрителю эти спектакли, особенно молодежи». Спектакль «Большевики» «изобилует намеками и полунамеками». Имелись в виду отдельные реплики наркомов о бюрократическом перерождении части советского административного аппарата. Рецензенты доводили до сведения редакции журнала «Вопросы истории КПСС», что это не что иное как «бомбардировка современной действительности», возрождение «идейки» о «термидорианском перерождении диктатуры пролетариата». Вывод: спектакли трилогии «не работают на коммунизм».

На последней странице рецензии фамилии ее авторов – профессор М.Е. Найденов, доцент А.И. Широков. В читательском каталоге Библиотеки Академии наук имеется карточка на сборник статей под редакцией М.Е. Найденова – «Очерки по историографии советского общества» (М., 1967), но тот ли это Найденов, не ясно. Об А.И. Широкове за 1950-1960-е гг. в каталоге ничего нет.

Я не считал себя вправе уклониться от написания заказанного мне отзыва на разгромное сочинение двух историков – надо было воспрепятствовать его публикации. Сделать это оказалось нелегко: реальная практика красного террора не очень соответствовала идеализированному изображению ситуации в пьесе М. Шатрова, да и В.И. Ленин больше был на стороне рецензентов, а не драматурга.

Мои контрдоводы против основных положений рецензии Найденова и Широкова сводились к следующему.

По поводу утверждения, что перед российскими революционерами всех поколений «будто бы» стояли «некоторые нравственно-этические идеи» и «зритель вынужден выслушивать долгие споры о морали и этике революционера», в моем отзыве было сказано: «Создается впечатление, что рецензенты начисто отрицают существование морально-этической стороны в революции и, соответственно, не считают правомерной постановку этой

проблемы в художественных произведениях». Почему о нравственной стороне революционного насилия, по мнению рецензентов, позволительно думать только декабристам и народовольцам, а большевикам противопоказано? Почему опасения наркомов по поводу возможных издержках при красном терроре – это «повторение банальностей»? Применение насилия в ходе революции – «это вопрос не только революционной целесообразности, но и революционной нравственности. Он требует всестороннего учета всех за и против, и легкого отношения к возможным издержкам быть не должно». Между тем, «рецензенты делают вид, что таких издержек у нас никогда не было. Стоит ли это опровергать?». Неверно, что в пьесе «Большевики» вопрос о терроре трактуется «вне классовой борьбы». Напротив, совершенно ясно, что речь идет о классовом красном терроре против контрреволюционных буржуазных элементов. «И если при этом анализируют действия якобинской диктатуры, то на то и существует наука история, чтобы помочь всем, и прежде всего политическим деятелям, учесть исторический опыт других эпох».

«Совершенно непонятно, почему М.Е. Найденов и А.И. Широков полагают, что сейчас было бы политически правильно изображать руководящих деятелей большевистской партии, принимающих важнейшее решение о призыве к массовому террору, без обсуждения и без учета возможных при этом издержек?».

В критических репликах некоторых наркомов о бюрократизации в советских учреждениях рецензенты усмотрели непозволительные намеки на советскую действительность 1960-70-х гг. Мною этому было противопоставлено высказывание В.И. Ленина – «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его...».

«Критическое отношение к трилогии вполне оправдано. Но она отнюдь не заслуживает того, чтобы к ней относились как к произведению, в корне нам идейно враждебному. Трилогия требует обстоятельного критического

анализа, выдержанного в более спокойном тоне, чем это сделано у рецензентов, безоговорочно считающих, что эти спектакли “не работают на коммунизм”».

Через некоторое время мой отзыв на рецензию двух историков, уместившийся на семи с половиной страницах, был готов и отправлен в журнал «Вопросы истории КПСС». Не знаю, повлияли ли мои контраргументы или еще какие-либо соображения, но рецензия Найденова и Широкова в «Вопросах истории КПСС» не появилась. По крайней мере, ее не было ни в 1971-м, ни в 1972-1973 гг. Трилогия успешно продолжала свою театральную жизнь. Театр «Современник» и драматург М. Шатров так и остались в неведении о той мини баталии вокруг трилогии, которая возникла через два с небольшим года после гастролей в Ленинграде.

Что же в итоге? Через 50 лет после 1917 года наряду с господствовавшей в массовом сознании официально поддерживаемой исторической памятью о социалистической революции возникла и материализовалась в спектаклях «Современника» другая историческая память. Вторая память еще не подвергала сомнению правильность выбора в свое время социалистического пути, но настоятельно обращала внимание на нравственную сторону революционного процесса. Своеобразие этой второй памяти состояло в том, что она призывала помнить не только о действительных событиях, а еще в большей степени о тех, которых не было, но которые, по мнению нарождавшейся либеральной общественности, обязательно должны были быть. Это был новый для советских граждан призыв не забывать о существовании общечеловеческих ценностей и их обязательном присутствии в политике как в 1918-1918 гг., так и в 1960-х. И судя по восторженной реакции зрительного зала, эта вторая историческая память с каждым спектаклем приобретала новых сторонников. Вопрос о нравственности в общественной и политической жизни России актуален и через сто лет после 1917 года.

¹ *Шатров М.* Так победим! Шесть пьес о Ленине. М., 1985. С. 87.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 111, 113-119, 124.

⁴ *Гинев В.Н.* Размышляя над трилогией // Ленинградская правда. 1968, 2 июля.

№154.

⁵ Там же.

⁶ *Шатров М.* Так победим! Шесть пьес о Ленине. С.76.